

Каботаж — работа судна между портами одного государства.

Зима в том году выдалась суровая. Уже вторую неделю морозы стояли за тридцать. Как мы до Питера смогли доползти, это одному Богу известно. Я сидел в своей капитанской каюте выжатый, как лимон, напором последних событий. Вдруг, замолчали грузовые насосы. Я взял со стола переносную радиостанцию: — Грузовой помощник, капитану. — Здесь, — ответила рация. — Почему выгрузку прекратили? Ну-ка, зайди ко мне, — раздражённо бросил я рацию на стол.

Через минуту в каюту вошёл грузовой, а следом за ним генеральный директор нашей компании: — Кончай воевать, капитан! — Добрый вечер, Виктор Иванович. Если он добрый? — поднялся я навстречу. — Свободен, — кивнул я грузовому помощнику. Тот вышел. — Чем угощать будешь? — генеральный уселся на диван. — Чем угодно. Только, давайте уж сразу, — вести душевные беседы с начальством мне абсолютно не хотелось. — Ну, сразу, так сразу. Идти надо, — и он назвал такую дыру, куда и летом-то не очень. А тут такая зима. Храбрость капитана заключается не в том, чтобы, рискуя судном и людьми, выходить в море в лютую непогоду. А, как раз наоборот. Не взирая ни на какие уговоры и угрозы, упереться и отказаться. Это — не цитата. Это — мои собственные умозаключения по жизни.

— Что? Всё так серьёзно? — спросил я. — Более чем, — не стал распространяться он. — Когда выходить надо? — Надо было ещё вчера, — генеральный поднялся с дивана: — Поставлю на уши все службы. Любая помощь. Главное, будь постоянно на связи. — Я слышал такое раз сто в своей жизни, — отмахнулся я. — До Сескара дойдёшь с караваном. А у Халли тебя встретит дежурный ледокол. А там... Как карта ляжет? Ничего. Рейс каботажный. Обернёшься быстро, — пожал он мне руку и вышел. Я даже не пошёл его провожать. ... В каюту вернулся грузовой помощник. — Шланги отданы. Буксиры заказаны, сейчас подойдут, — доложил он. Перед изложением дальнейших событий следует сказать несколько слов об этом кадре. После развала Советского Союза Россия, вдруг, осознав, что потеряла большинство портов на Балтике, спешно бросилась строить новые. Вот в один из таких вновь строящихся портов и пришлось мне как-то заводить судно. О бардаке, который встретил там нас, и вспоминать не хочется. Разумеется, любому терпению есть предел. Вот и решил я высказать местному начальству всё, что про них думаю. Капитана порта на месте не было. И оказался я в кабинете его первого заместителя. Встретил меня такой матёрый чинуша в мундире. Золотых соплей на рукавах нашито аж по самые локти. Но на груди у него был старый, ещё советский значок капитана дальнего плавания. Вот это-то меня остановило. И я начал вежливо излагать свои претензии. Выслушав, он спросил: — А кто вы такой, чтобы меня учить?

Вежливо не получилось. Я подошёл вплотную к столу, опёрся кулаками на разложенные очень «важные» бумаги и, наклонившись вперёд, чтобы было лучше слышно, отдельно проговорил: — Такой же капитан, как и ты. Только до сих пор на мостике стою, а не прячусь в тёплом кабинете. После этого случая я долго ждал последствий. И они наступили. Только совсем не такие, к которым я готовился. Через несколько месяцев в эту самую каюту вошёл молодой штурман с направлением. Прочитав его бумаги, я удивлённо посмотрел на него: — Ба! Парень! Да, ты — блатной.

— Да, — он нисколько не смутился: — Только папа хочет, чтобы я свою службу начал именно

у вас. — Ну, раз папа хочет, иди, начинай. — отпустил я его. Вот и не уважай после этого чиновников. А самое удивительное, что парень как-то сразу очень плотно вошёл в нашу обойму. Видно, морские гены сделали своё дело. Когда-то я несколько лет проходил в третьих штурманах. А его уже на следующий год сделал грузовым помощником. И папа здесь не при чём. Я сам написал ему рекомендацию. И сам ходил с ним по кабинетам. Вот сейчас этот кадр стоял передо мной. — Ну, что же. Есть только один способ начинать. Это начинать. — поднялся я из кресла ... Казалось бы, идти в караване дело не хитрое. Тем более что впереди линейный ледокол и ещё восемь корпусов. Но лёд — вещь коварная. Пробитый канал затягивается очень быстро. И, чтобы не застрять и не остановить весь караван, приходится вплотную прижиматься к судну, идущему перед тобой. Тут каждый метр сокращённой дистанции имеет значение. Но, с другой стороны, судно, идущее впереди может внезапно остановиться, не справившись с очередным торосом. И вот тут-то, чтобы среверсировать машины и отработать назад, как раз может и не хватить этого метра. А за тобой ещё пять корпусов, точно в такой же ситуации. Так что и тебе в корму могут въехать запросто.

А огни впереди идущего судна из-за снежной завесы появляются только изредка. Ориентироваться приходится по радару, да собственной интуиции. Радиостанция не смолкает ни на секунду. Кто-то впереди постоянно ноет по-английски с итальянским акцентом, выпрашивая у ледокольников для себя лучшей доли. Но караван упрямо идёт вперёд, оставляя за кормой милю за милей. Счёт времени ведётся не по часам, а по вахтам. Просто отмечаешь для себя, что на мостике сменился очередной твой помощник. Да, повар периодически пожевать что-нибудь приносит.

Рассвело. А, толку-то? В снежной круговерти всё равно не видно дальше собственного носа. Просто чёрная муть сменилась белой мутью. Удивительно! Сколько лет хожу в море, но никогда не видел, чтобы снег или дождь падал, как ему и положено, сверху вниз. Он будет лететь справа налево или слева направо, а чаще снизу вверх. Но никогда не будет падать нормально. Прошли остров Сескар. Но за снежной пеленой даже не разглядели его маяков. Вспомогательный ледокол, взломав кромку ледового канала, помог нам покинуть ордер. — Удачного рейса, мужики. Давайте теперь сами. Вас очень ждут, — попрощался он с нами и пошёл догонять караван, уходящий на запад. ... Режим одиночного ледового плавания. Теперь на север мы идём одни. Ледовые поля. Торосы. Трещины. И надо вправо. Там трещина шире. И руль уже переложен вправо. Но танкер думает по своему. У него своя точка зрения. Он уже поворачивает в другую сторону. И спорить с ним бесполезно. Нужно считаться с его желанием. Амбиции, кто принимает решение, здесь не уместны. Если за считанные секунды не найдёшь с ним компромисс, встанешь. И тогда без посторонней помощи ты уже никто. Судно должно постоянно быть в движении. Должно постоянно шевелиться. Не важно, в какую сторону. Соображалка обязана работать на все сто. А, если встал, то тогда уже интеллект против стихии бессилён.

И реверсы, реверсы, реверсы. Там, под ногами, глубоко во чреве корабля одуревшие от грохота дизелей механики обкладывают сейчас мою несчастную голову матюгами со всех сторон. Левый лобовой иллюминатор открыт, потому что из-за снежной каши ничего не видно, хотя за бортом минус тридцать. Моя меховая куртка давно висит на вешалке. А мне совсем и не холодно. Пусть простят меня коллеги, ведущие сейчас караваны на Сев. мор. пути. Для них моя писанина может показаться детским садом. Да, только... Бывали мы и там. Друзья. Хочу сказать. Здесь не легче и не сложнее. Просто, здесь всё по другому. Начинает

темнеть. Зимой в наших широтах световой день короткий. Лучи прожекторов сразу же упёрлись в сплошную стену летящего снега. ... Вот и скала Халли. Только, где это вот? Конечно, локатор отбивает. И на электронной карте очень даже красиво высвечивается. Всё равно ничего не видно. Не люблю я это место. Да и кто его любит? Природные аэродинамические трубы здесь сходятся в одну точку. Шквальные ветра начинаются внезапно. Внезапно и прекращаются. И не всегда, получается, проскочить в период затишья. — Подвижка! Поле пошло! — взволнованно доложил старпом. — Вижу. Право руля, — встал я к посту управления. Судно начало поворот. Но, медленно. Слишком медленно! Лёд явно сильнее нас. Танкер в грузу. Сидит низко. И надо успеть развернуться на поле форштевнем. В противном случае лёд начнёт тороситься у борта, стремительно увеличиваясь в размерах, и ползет на палубу, сметая всё на своём пути. Ну, где же этот дежурный ледокол? — Убрать людей с тронговой палубы, — отдал я распоряжение, не сводя глаз с экрана радара, на котором эхо сигнал быстро приближался к нам. И всё-таки нервы у меня не выдержали. Я схватил микрофон радиостанции: — Ледокол «Победа» танкеру «Амур»? — Иду! Иду к тебе! Держись! — тут же ответила радиостанция.

Ждали его с нетерпением, считая каждую секунду, но из-за снежной завесы появился он внезапно. Разрывая ночную муть вспышками прожекторов, весь окутанный клубами морозного пара, он сходу навалился своим могучим корпусом на торос. Разбрасывая вокруг себя мириады ледяных брызг, в грохоте ломающегося поля, он пролетел вдоль нашего борта. Торос ослабил свои клещи, и танкер ожил, двинувшись вперёд. Надо скорее уходить из этого опасного места. Я дал полный вперёд. Ледокол, разойдясь с нами на контр курсах, раскрутил за кормой циркуляцию и уже обгонял по другому борту. Казалось, что всё обошлось. Ледокол ушёл далеко вперёд, пробивая для нас ледовый канал. Танкер стремительно набирал ход. Но лёд и не думал сдаваться. Поле продолжало двигаться, быстро затягивая канал. И, вдруг!

— Я встал! Амур! Стоп! Полный назад! — закричала радиостанция. Уткнувшись в очередной торос, ледокол встал. Участки чистой воды, освобождённой им ото льда, густо парили от мороза. И так, никакая видимость сразу упала до нуля. Из-за малой дистанции радар засветился полностью, став бесполезным. Но и в слепую было ясно, что мы летим прямо на ледокол. — Всё! Отработать не успеем, — почему-то шёпотом проговорил старпом.

Чей промах? Ледокола, не успевшего набрать достаточную инерцию, чтобы справиться с торосом. А может он неправильно выбрал угол атаки? Или мой, в том, что я, уходя от надвигающегося поля, сломя голову бросился за ним? Несколько секунд назад подобные теоретические бредни уже перестали иметь хоть какое-либо значение. В подобной ситуации решение приходит мгновенно. Приходит! Обязательно приходит! Потому что, если не придёт, то и решать-то будет не кому, да и не зачем.

— Обе самый полный вперёд! — не своим голосом приказал я. Как на флоте говорят? Прежде чем командовать, надо очень хорошо научиться подчиняться. Мой старпом эту науку усвоил в совершенстве. Абсолютно не понимая смысла моего приказа, всем своим существом не соглашаясь со мной, он моментально выдал ручки до упора.

Танкер ещё сильнее стал набирать ход. Впереди показались огни быстро приближающегося ледокола. Стоящий рядом со мной рулевой, вдруг, попятился назад. — Стоять!!! — рявкнул я на него. Он вздрогнул всем телом и снова вцепился в ручки манипулятора. Уже хорошо различаемые прожектора ледокола летели прямо на нас. — Право на борт! — закричал я в ухо рулевому. Щёлкнул манипулятор. Танкер резко качнулся, заходя на циркуляцию, но тут же,

ударившись в правую кромку ледового канала, со скрежетом заскользил по ней, неумолимо приближаясь к ледоколу.

Господи! Не оставляй нас. Святой Никола угодник! Ну, помоги сломать эту проклятую кромку. За кормой ледокола должен же быть лёд разряжённым. Словно пушечный выстрел раздался хлопок. Внезапно поле лопнуло, расчертив длинную трещину. В эту трещину мы и влетели, разворачиваясь параллельно ледоколу. Там поняли наш манёвр. Его винты забурлили на полный назад. Он стал медленно отползать, уступая нам дорогу. В пробитый им канал и швырнуло наш танкер.

Ледокол, увеличивая обороты, делал всё, чтобы уйти от столкновения. Господи! Но ведь немного осталось! Почему ты нам не помогаешь? А мы-то сами? Что здесь? Куча ветоши? Я бросился к старпому, отщелкнул ограничители и, навалившись на него, выдавил рукоятки вместе с его руками ещё дальше. Судно задрожало от дикого перенапряжения и скачком прыгнуло вперёд. Наша корма пролетела от штевня ледокола буквально в метре. Танкер, пройдя ещё немного по ледовому каналу, зарылся носом в торос и остановился. — Саныч! Ты меня раздавишь, — освободился от моих объятий старпом.

— Я и не знал, что ты молиться умеешь, — как-то кисло улыбнулся он, ставя на место ограничители. Оказывается, думал я вслух. — На мостике! Вы, что там? Обалдели! Машины же запорем! — заголосила трансляция голосом старшего механика. Старпом хотел ответить, но я взял микрофон у него из рук: — Саша! Так надо. — Понял, — ответила трансляция и отключилась. — Амур! Победе. Ну, как вы? — вышел на связь ледокол. — В пределах нормы, — ответил ему старпом. И то верно. Нам здесь... А на ледоколе... ? Он ведь сильнее. Он помогать пришёл. С него и спрос больше.

— Я сейчас перемолочу это безобразие. А вы готовьтесь. Будем заводить буксир. Так дальше не пройти, — опять вышел он на связь. Точно. Ответственность будем делить потом. Теперь дело надо делать. — Поднять подвахту. Боцмана на бак, — распорядился я, отчётливо представляя, как сейчас из тёплых кают полезут мои мужики на тридцатиградусный мороз с пронизывающим ветром. Замёрзшие тросы с обледеневших вьюшек придётся сбивать ломami. А потом растягивать их по скользкой палубе, где человек, как конькобежец на катке без коньков. А палуба ещё и качается. И тросы устремятся к клюзам совершенно по непредсказуемой траектории. А кругом люди.

— У парохода тормозов нету, — однажды услышал я, как моя семилетняя дочка объясняла что-то мальчишкам во дворе. Вот уж, устами младенца глаголет истина. Две много тысячетонные махины нужно сблизить в упор. А подушка льда, набивающаяся между ними, препятствует этому. И приходится увеличивать обороты, продавливая её. Но в любой момент она может провалиться. И тогда одно судно обрушится на другое. Ледокол, размывая эту подушку своими винтами, чем мог, помогал мне. Вот именно, чем мог. Рукоятки в ладонях уже давно стали скользкими. И старпом, отодвинув плечом рулевого, уже сам стоит у манипулятора. Языком тереть бесполезно. Всё равно не успеешь отдать команду. Да и, не сводя с меня глаз, сам он знает, что ему делать. И боцман уже дистанцию докладывает не в метрах, а в сантиметрах. Во время такой операции капитан ледокола и капитан буксируемого судна не только думать и действовать должны одинаково. Дышать должны одинаково!

— Есть касание! Саныч! Как в копейку! — доложил с бака боцман. — Выбираем буксир. Крепим, — теперь суда жёстко соединены и, если ледокол встанет, не справившись с торосом, большой опасности уже не будет. Да и я смогу помочь ему своими машинами. Ледокол-то

тоже не всемогущ. — Начинаем движение, — отдал команду капитан ледокола. ... Старпом объявил команде ужин. В очередной раз сменилась вахта. Теперь на мостике важно руководил процессом грузовой помощник. Надёжно сцеплённые танкер и ледокол упрямо шли вперёд, пробиваясь сквозь льды. Открылась дверь ходовой рубки. — Прошу разрешения, — на мостик вошёл наш повар Дима с подносом в руках. — Господин капитан! Время вечернего клёва! — поставил он поднос на откидной столик. — Гречку приволок? — обернулся я к нему. — А что? — Дима изменился в лице: — Послушайте, Саныч! Я же вас не учу кораблём командовать? Вот и меня не надо учить моему делу. В гречке железо. Это для прочности... — Всё! Всё, — умоляюще замахал я руками: — Я всё съем. С нашим Димой лучше не связываться. Он, как спичка, готовая загореться в любой момент. Ребята, зная эту его черту, часто подшучивают над ним. А шуток он не понимает. Но, не смотря на это, этот добродушный толстяк — любимец всей команды. — Посуду рулевой после вахты пусть на камбуз занесёт, — Дима повернулся и вышел из рубки.

Судовой повар это не последняя и далеко не самая лёгкая профессия на флоте. Милые хозяйки, представьте себе, что когда вы готовите, ваши шипящие сковородки и булькающие кастрюли начинают, вдруг, исполнять танец с саблями. В качку вентиляция на камбузе работает плохо. А в сильную качку её и вовсе отключают. Думаю, дальше продолжать не надо. Но измотанных работой людей кормить нужно каждые четыре часа. Каждую смену вахт. Когда я смотрю в кино, как где-нибудь в ресторане щёголь официант гордо несёт поднос, я всегда вспоминаю наших поваров. Вот и сейчас передо мной налитая до краёв тарелка супа, компот. И всё это на безукоризненно чистой салфетке. А ведь Дима шёл по качающимся коридорам, крутым трапам от нижней палубы корабля на самый верх. И не пролило не капли. Я с улыбкой представил себе, как сейчас в кают-компании промёрзшие матросы, обжигаясь, хлебают Димкин супчик. Говорю компетентно. Кок — профессия не из лёгких. А, если учесть, что подавляющее число поваров на флоте — женщины?

Штурман с рулевым тактично не смотрят в мою сторону. А есть в темноте, где освещение только от сигнальных лампочек, не самое простое занятие. Приём пищи на судне вообще дело особое. Попробуйте, когда всё качается, не промазать ложкой мимо рта. Смешно, но учатся этому очень быстро. Стоит пару раз ошпариться, и ты уже профи. Господи! Хорошо, что моя жена меня сейчас не видит. Дома-то как? Зачавкал. Всё! Десять лет расстрела. Ладно. Политес мы оставим для береговых банкетов. А тут главное закидать в себя, да и дело с концом. Теперь можно и сигаретку выкурить. Я поудобнее устроился в кресле.

Грузовой помощник уверенно вёл танкер, не переставая болтать по радиостанции со штурманом ледокола. И тандем их работал слаженно. Танкер очень своевременно помогал своими машинами ледоколу проходить особо тяжёлые торосы.

Прислушиваясь к болтовне штурманов, я задумался. Наверное, это правильно, что есть на свете профессии, когда в 25 лет мужчина совершенно обоснованно может считать себя мужчиной. Вести две такие махины через льды, это чего-то стоит? Разумеется, любой офисный суслик найдёт сто причин, по которым будет себя уважать. Но здесь другие критерии оценки людей. Условия другие. Если даже заболел, больничный взять негде. Всё равно надо ползти на рабочее место. Помочь, всегда помогут. Но заменить-то тебя некем. Танкер, вдруг, задрожал и начал останавливаться. Торос попался особо тяжёлый. Я уже хотел вмешаться. Но штурман был на месте. И ведь не засуетился. Без рывков. Всё сделал плавно. И команды рулевому прошли вовремя и толково. Всё-таки не напрасно столько времени я

полировал ему мозги.

— Коллега! С вами приятно работать, — похвалил его штурман ледокола: — Такому нужно долго учиться. — Начинать следует ещё на гинекологическом уровне, — парировал мой. Резвятся пацаны. Но всё равно молодцы! ... Кажется, задремал. Очнувшись, глянул на часы. Ничего себе! Два часа прошло. Снег прекратился. Видимость улучшилась. Я взял бинокль. Впереди уже виднелись огни терминала. — Танкер «Амур» ледоколу «Победа». Сбавляемся. Будем отдавать буксир, — это уже голос капитана ледокола. Я поднялся из кресла и встал к ручкам. И опять всё снова. Скользящая палуба. Обледеневшие тросы. А на палубе люди в опасной близости от этих тросов. Ледокол стал удаляться, пробивая нам канал к терминалу. Потом, развернувшись, пошёл навстречу.

— Дальше сами. Вас ждут. Удачной швартовки, ребята. А мне возвращаться надо, — попрощался он, расходясь с нами на контр курсах. Видно, кому-то, где-то опять срочно нужна была его помощь. Я поблагодарил капитана ледокола и повёл свой танкер к терминалу. У причала два буксира ломали лёд, готовя нам место для швартовки. Я всегда с чувством профессионального наслаждения наблюдаю за работой портовых буксиров. Делают они своё дело ювелирно. Не даром, у нас их уважительно называют вертолётками. Только полными ходами! Быстро! Мгновенно реагируя на любые изменения обстановки. Лихие ребята!

Раскидав остатки льда, один буксир пошёл в нескольких метрах перед нами. Другой, между нашим бортом и причалом, не давая образовываться ледовой подушке. И не успел танкер остановиться, как они уже оба своими штевнями с внешнего борта прижали нас к стенке. Теперь можно работать, не торопясь. Парни надёжные. Держать будут столько, сколько потребуется. И береговые швартовщики, и мои матросы скользят, падают, поднимаются, помогая, друг другу, и тянут швартовые к кнехтам. Завывают швартовые лебёдки, набивая тросы. Ну, вот и всё. Приехали!

— Старпом. Заканчивай здесь всё. И отпусти буксиры. Я у себя, — наконец-то вышел я из ходовой рубки. Вся тяжесть последних дней, страхи, напряжение остались там, за захлопнувшейся дверью. А со мной только стучащая в висках усталость. Я шёл по коридорам к своей каюте. Сейчас лучше всего было бы упасть в койку. Но что-то мне подсказывало, что рейс ещё не закончился. По пути встретился грузовой помощник.

— Где народ? — остановил я его. — В котельной. Греются. — Как все? — Ржут! — Чего? — Да, боцман там курс молодого бойца проводит, — заулыбался он. — Начинайте шланговку. А клоуна этого пришли ко мне, — я пошёл дальше.

Шланговка. На таком морозе тащить толстенные и тяжеленные шланги. Конечно, подъёмные краны сделают своё дело. Но последние метры придётся всё равно в ручную. А потом соединять фланцы. А болты в перчатках заводить не удобно. И не дай Бог хоть одно соединение будет обжато недостаточно. Разогретый мазут пойдёт по трубам под большим давлением. Для танкериста нет ничего страшнее, чем «разлив». Это, когда кипящие нефтяные фонтаны заливают судно и акваторию. И никаких скидок на тридцатиградусный мороз.

В каюте у меня хватило сил лишь на то, чтобы плюхнуться в кресло. В дверь постучали. Вошёл боцман. Я молча кивнул на диван. Он уселся, закинув ногу на ногу, и преданно уставился мне прямо в глаза. — Вот, что скажу, — от усталости мне даже говорить было трудно: — За то, что ты сделал, я тебя благодарить не буду. Ты и должен был это сделать. А вот за то, что пацанов уберёг. За то, что не покалечился никто. За это, Коля, тебе моё спасибо.

— Спасибо! Это слишком много, — он продолжал, не моргая, смотреть мне прямо в глаза. Только взгляд его стал, каким-то наглым. Я достал из настенного шкафа бутылку сминовской водки, поставил перед ним фужер и налил его по самые края. Даже с горкой.

— А себе? — моргнул он. — Нельзя. Третьи сутки на ногах. Свалюсь, — отказался я. Он пожал плечами, отвёл локоть правой руки в сторону и, картинно растопырив пальцы, взял фужер за ободок. Пил он медленно, смакуя каждый глоток. Я даже залюбовался. Наконец, он, блаженно выдохнув, поставил пустой фужер на стол. — Зажуй, — подал я тарелку с нарезанным сервелатом. — После первой не закусываю! — гордо отодвинул он тарелку. — А, второй не будет. Ты мне пока живым нужен, — я взял бутылку, демонстративно завинтил пробку и убрал в шкаф. — Вот, за что уважаю вас, Саныч, — он с нескрываемым сожалением проводил взглядом исчезнувшую в шкафу бутылку: — Так это за нежную заботу о личном составе. Вы у нас, прямо, гренд фазер по лайфу.

— Знаешь, что? Полиглот, — мне почему-то стало весело: — Чтобы ты своим рязанским прононом мне здесь уши не резал, когда вернёмся в Питер, отправлю-ка я тебя на курсы английского языка. — Саныч! Вот только не это! — он подскочил, как ужаленный, и пулей вылетел из каюты. — Что это с нашим боцманом? — вошёл старпом: — Чуть меня с ног не сбил. Как молоденький козлик по коридору поскакал. — Давай-ка мы с тобой кофейку, — не стал я ничего ему объяснять.

Он положил на стол рацию, достал кофемолку, кофеварку и начал хозяйничать. Кофе у нас на танкере настоящий. Из самой, что ни на есть, Бразилии. И процесс его приготовления возведён в ритуал. — К нам тут местное правительство, — заговорила, вдруг, лежащая на столе рация голосом грузового помощника. Я кивнул. — Какое ещё правительство? — взял старпом рацию. — Ну,... Женщина. — Красивая? — По моему, даже, очень! — Так чего же ты? Тащи её сюда, — заулыбался старпом.

Через минуту открылась дверь, и грузовой помощник галантно пропустил перед собой какое-то чудо. Действительно чудо. В шубе из шкуры непонятного зверя, по детски подвязанной под воротник шарфиком. В лохматой шапке. И в валенках. — Я — заместитель главы администрации... — поздоровавшись, было начала она. — Да, вы замёрзли совсем. Вам согреться нужно. Штурман, поухаживай за дамой. Старпом, кофейку гостье, — оборвал я её. Штурман помог ей снять шубу, при этом слишком уж долго и заботливо развязывал на ней шарфик.

— Кофейку. Фирменного. С Наполеончиком. Сухопутные даже не знают, что это такое, — старпом усадил её на диван и поставил на стол ароматно пахнущую чашку. Она взяла чашку, грея об неё ладони. А женщина была действительно очень привлекательная. Как только штурман под шубой умудрился сразу рассмотреть это. Какая прелесть! На ногах у неё были валенки. Такие маленькие, аккуратненькие валенки. Она, перехватив мой взгляд, застеснялась, подобрал ноги под себя.

— Мне поручено встретить вас... — попыталась она опять начать явно заготовленную заранее речь. — Вы угощайтесь, — старпом положил перед ней коробку конфет. — Да! Кофе чудесный, — ну, никак не получалось у неё соблюдение протокола. И она, наконец, решила оставить свой официальный тон: — Мужчины! Как мы вас ждали! — Вот!!! — штурман одним прыжком оказался рядом с ней на диване. Она удивлённо повернулась к нему. — Всё. Больше ничего не надо. Как вы это прекрасно сказали. А то сейчас начнёте. Остановленные котельные. Не отапливаемая больница. Замерзающий детский садик, — он как-то незаметно придвинулся к

ней поближе. — Но, я действительно... , — опять начала она, но мы все вместе дружно захохотали. Официальность была сломана окончательно. — А, хотите экскурсию по танкеру? У нас тут этажей, как в небоскрёбе, — не унимался штурман.

— А можно? — она по детски просительно посмотрела на меня. Мы опять все рассмеялись. — А танкер наш называется «Амур». Это в переводе означает любовь, — ну, всё, понесло парня. — Шланговку закончили, — заговорила лежащая на столе рация. — Я сам посмотрю, — остановил я жестом старпома. — Штурман, проводи меня, — поднялся я из кресла. — Основное правило помнишь? — уже в коридоре задержал я грузового помощника.

— Женщина с корабля должна уходить всегда удовлетворённая, — без запинки отчеканил он. — Довольная, — поправил я: — В холодильнике бутылка Амаретто стоит. — Понял! — он аж подпрыгнул и опять нырнул в каюту. Не успел я сделать и двух шагов, как меня догнал старпом: — Ну! Молодёжь! На ходу подмётки режет. Тут хлопнула дверь, и по коридору захохотали боцманские сапожищи. — Где грузовой? Насосы проверять пора, — подошёл он к нам. — Чего орёшь? Штурман устанавливает отношения с местными властями. Я насосами займусь, — остановил его старпом.

— Парню может быть сейчас, отдуваться за весь Российский флот придётся, — поддержал я старпома. — А справится? Пацан ведь совсем, — недоверчиво покачал головой боцман: — Ну, ничего. Я потом сам проверю. Нас со старпомом сложило от смеха. Боцман долго не мог понять, в чём дело. Наконец, сообразив, что только что сморозил, заржал во всё горло вместе с нами. — Всё. Кончай балаган. Выгрузку пора начинать, — прекратил я всеобщее веселье. — А то вымерзнут все аборигены на хрен, — поддержал меня боцман. — Тем более аборигенки здесь такие красивые, — согласился с нами старпом. А рейс-то заканчивался. И заканчивался хорошо. А это хорошо, когда что-нибудь заканчивается хорошо.